

18+

ПРОКЛЯТЪЕ
(БЕЗ) СМЕРТИ

i n s o m n i a

Insomnia

Проклятье (без) смерти

«Издательские решения»

Insomnia

Проклятье (без) смерти / Insomnia — «Издательские решения»,

Парень вампир, ангел с косой и охотница в чёрном. Он бессмертен, но каждый день умирает заново. Она должна его убить. Вместе они ищут выход из проклятия без смерти. Книга содержит нецензурную брань.

Проклятье (без) смерти

Insomnia

© Insomnia, 2026

ISBN 978-5-0070-0948-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Капля 1. Девушка?

Часть первая: Утро, которое пахнет мятой

Рафаэль проснулся от того, что солнце поцеловало его в переносицу.

Это был не резкий, будящий удар жёлтого света, а долгий, нежный поцелуй сквозь тонкую занавеску — льняную, цвета топлёного молока, которую он повесил сам два года назад и с тех пор ни разу не гладил. Складки на ней застыли, как складки на юбке статуи, и свет просачивался сквозь них полосами — тёплыми, чуть золотистыми, похожими на те полоски, которые оставляет палочка корицы в чашке с капучино.

Раф не открыл глаза сразу. Он лежал на спине, раскинув руки в стороны, как морская звезда, которую выбросило на берег, но она не жалеет об этом. Простыня сбилась в узел где-то в районе коленей — он всегда так спал, словно боролся с ней во сне и проигрывал. Второе одеяло — клетчатое, шерстяное, бабушкино — валялось на полу, и из-под его края выглядывал носок. Один. Второй, видимо, закатился под кровать.

В комнате пахло сухими травами. На тумбочке стояла кружка с остывшим ромашковым чаем — он заварил его вчера перед сном, сделал два глотка и забыл. Поверхность чая покрылась тонкой блестящей плёнкой, как лёд на луже в ноябре. Рядом лежала раскрытая книга — сборник стихов Анненского, которого Раф читал по одной строчке в день, потому что больше не вмещала душа. Закладкой служил старый билет на электричку: «Симферополь — Джанкой», 2019 год. Он никогда не был в Крыму. Билет нашёл на улице и подобрал, потому что бумага была красивой — с водяными знаками, похожими на облака.

Ровно в семь часов, как по расписанию, соседка снизу включила кофемашину. Раф знал эту женщину только по звукам: она носила тяжёлые браслеты, которые звенели, когда она мыла посуду, говорила по телефону на итальянском (или румынском? — он так и не понял) и каждое утро делала кофе с пенкой. Гул машины пробивался сквозь половицы, смешиваясь с шумом первых машин за окном и далёким лаем собаки — не его, чужой, с соседнего двора.

— Пять минут, — прошептал Раф в подушку. — Ещё пять.

Подушка пахла лавандовым саше, которое ему подарила продавщица в магазинчике с восточными сладостями. Он зашёл туда за рахат-лукумом, а вышел с мешочком сухой лаванды и историей о том, что «молодым людям тоже нужно спокойствие». Ему было тогда девятнадцать. Он чувствовал себя стариком.

Вихрь, его пёс, спал в ногах, свернувшись калачом. Огромный рыжий комок шерсти с ушами-лопухами посапывал так громко, что создавалось впечатление, будто в комнате работает маленькая бензопила. Иногда его лапы дёргались — он гнался за кем-то во сне. Иногда вздыхал, как уставший философ.

Раф сел на кровати, потянулся. Позвоночник хрустнул — раз, два, три, — как сухие ветки под ногами. Он посмотрел на свои руки: длинные пальцы, бледная кожа, на левом мизинце — след от краски, акварель «ультрамарин», которая въелась ещё неделю назад. Он рисовал вчера ночью: облака. Только облака. Три часа подряд, пока не заболела шея. Они получились тяжёлыми, почти осязаемыми, с фиолетовыми животами и розовыми краями. Он не знал, зачем рисовал их. Просто не мог остановиться.

— Доброе утро, — сказал он вслух. Никому. Себе. Миру за окном.

Город просыпался медленно. За стеклом — старом, с пузырьками внутри, как в бутылочном стекле — виднелись крыши соседних домов, покрытые инеем воспоминаний о лете. Дворник в оранжевом жилете размеренно вёл метлой по асфальту: ш-ш-ш, ш-ш-ш, — как белый шум. Голуби на карнизе — четыре штуки, как четыре времени года — нахохлились и грелись в первых лучах.

Раф встал, прошлёпал босыми ногами до окна. Пол был холодным — доски скрипели на каждом шагу, жалуясь на утро. Он распахнул створку, и в комнату ворвался запах мокрой земли, прелых листьев и чего-то сладкого — кажется, за углом цвела поздняя астра. Вихрь тут же поднял голову, понюхал воздух, чихнул и снова уронил морду на лапы.

— Ленивое чудовище, — ласково сказал Раф.

Он постоял у окна минуту, может, две. Смотрел, как женщина в синем халате выгуливает таксу в вязаном свитере. Как мальчишка на самокате объезжает лужу, но всё равно попадает в неё. Как облака — те самые, что он рисовал ночью — медленно плывут на восток, меняя форму. Одно из них было похоже на слона. Потом на чайник. Потом на лицо, которого он не узнал.

Он отошёл от окна и направился в ванную, переступая через разбросанные носки, через стопку книг на полу (он всегда читал по три-четыре сразу), через Вихрев хвост, который тут же начал стучать по полу от радости. Плитка в ванной была холодной — белая, с трещинкой на той стене, где вешалка держалась на честном слове. Зеркало запотело от ночной влажности, и Раф провёл по нему пальцем, оставляя дорожку. В проёме показалось его лицо: тёмные, чуть выющиеся волосы, спутанные после сна; глаза цвета кофе с молоком; родинка над левой бровью, которую он считал своей главной особенностью. Ему говорили, что он выглядит младше своих двадцати одного. Он не знал, хорошо это или плохо.

Он умылся водой с мятным гелем — пузырьки лопались на коже, как маленькие мысли. Почистил зубы долго, почти медитативно, вода щёткой по кругу, пока пена не потекла по подбородку. Потом встал под душ — не горячий, а тёплый, как парное молоко. Вода стекала по плечам, по лопаткам, по позвоночному столбу, смывая остатки сна. Он закрыл глаза и представил, что стоит под водопадом, где-то в лесу, где нет людей, нет новостей, нет этого странного чувства, которое иногда накатывало — будто он ждёт чего-то, а чего — не знает.

После душа — полотенце, большое, махровое, серое, пахнущее кондиционером «морской бриз». Раф закутался в него, как в тогу, и пошёл на кухню.

Кухня была его любимым местом. Маленькая, тесная, с окном во двор, где растёт старый клён. Столешница из искусственного дерева исцарапана ножом — он любил резать хлеб прямо на ней, без доски. Газовая плита с двумя конфорками, из которых работала только одна. Холодильник, украшенный магнитами из городов, в которых он никогда не был: Париж, Токио, Барселона, Рейкьявик. Магниты подарила подруга детства, которая уехала учиться в Лондон и теперь присылала только открытки раз в полгода.

Раф заварил чай. Не из пакетика — из заварника, глиняного, с трещиной на носике, склеенной эпоксидной смолой. Он насыпал ромашку, мяту, чуть-чуть Melissa и залил водой, которая только-только начала пузыриться. Ждал ровно четыре минуты — смотрел на секундную стрелку настенных часов в форме кота (один глаз у кота был выше другого, и от этого казалось, что он постоянно удивлён). Потом перелил чай в кружку — серую, с отбитым краем, подарок бывшей одногруппницы, которая теперь работала в банке и носила строгие костюмы.

Чай получился цвета старого золота. Раф подул на него, и пар закружился над кружкой, как маленькое облако. Он сделал глоток — и тепло разлилось по горлу, по груди, по животу, как будто кто-то зажёл внутри свечу.

Вихрь, наконец, соизволил подняться. Он вошёл на кухню, волоча за собой одеяло, которым укрылся во сне, и ткнулся носом в колено Рафа.

— Голодный? — спросил Раф, хотя знал ответ. — Конечно, голодный.

Он насыпал в миску корма — сухих гранул, которые пахли печенью и чем-то ещё, чего Раф не мог определить. Вихрь ел с таким аппетитом, будто не видел еды неделю, хотя последний раз кормили его восемь часов назад. Раф смотрел на пса и улыбался. В этом было что-то правильное — вот так, утром, в тишине, когда никто никуда не спешит.

Он съел сам тост с авокадо — авокадо было слишком мягким, почти жидким, и он размазал его ложкой по хлебу, посыпал солью с розовыми кристаллами и чёрным перцем. На вкус это напоминало утро на пляже, которого у него никогда не было. Добавил ломтик вяленого томата, свернул всё в трубочку и съел в три укуса.

Потом вымыл посуду. Вода текла из крана с лёгким шипением, мыльная пена пахла огурцом. Раф мыл кружку долго, вода губкой по внутренней стенке, смывая чайный налёт, который похож на патину времени. Он любил этот звук: трение керамики, плеск воды, звон поставленной на сушилку посуды.

В половине девятого он сел за рабочий стол. Стол был завален бумагой, карандашами, кистями, баночками с водой — некоторые из них покрылись зелёным налётом, потому что он забывал менять воду по несколько дней. На мониторе светилась незаконченная иллюстрация: девочка с воздушным шаром на фоне города, который таял, как сахарная вата. Раф заказал себе кофе — в зернах, которые смолот сам, потому что в этом было что-то успокаивающее. Кофемашины у него не было, была ручная мельница, и процесс длился пять минут, за которые он успевал подумать о том, что сегодня рисовать.

Кофе получился горьковатым, с нотками шоколада. Он пил его чёрным, без сахара, и смотрел в окно. Клён уже начал желтеть — по краям листьев выступила золотая кайма, как будто кто-то обвёл их тонкой кисточкой.

Он работал три часа. Иногда быстро, иногда останавливался, чтобы погладить Вихря, который пристроил голову ему на ногу. Он рисовал девочке волосы — длинные, до пояса, с вплетёнными в них лентами цвета заката. Потом дом на заднем плане — окна в нём горели жёлтым, как в театре теней. Потом воздушный шар — он никак не мог найти нужный оттенок красного, перебирал, смешивал, пробовал, пока не застыл на том, который пахнет кровью и гранатом одновременно.

В двенадцать он откинулся на спинку стула, потёр глаза. Экранплыл, пальцы ныли. Вихрь зевнул, показав розовый язык, и ткнул лапой в дверь — пора гулять.

— Знаю, знаю, — сказал Раф.

Он оделся: старые джинсы с дыркой на колене, толстовка цвета мокрой глины, кеды, которые помнили лучшие времена. Накинул поверх кардиган — слишком мягкий, слишком большой, подарок мамы, которую он не видел два года. Кардиган пах домом. Тем самым, которого больше не было.

Они вышли в час дня.

Солнце стояло высоко, но уже не летнее — прищуренное, задумчивое, как будто оно само готовилось к осени. Двор был залит светом, который ложился на асфальт неровными пятнами сквозь листву. Дети играли в песочнице, их смех был похож на звон колокольчиков. Бабушка на лавочке читала книгу с яркой обложкой — детектив. Мужчина в костюме быстро шёл к машине, говорил по телефону и размахивал руками.

Раф шёл медленно. Он всегда шёл медленно. Вихрь, напротив, носился вокруг, обнюхивал каждый столб, каждый куст, каждый камень, как будто видел их впервые. На поводке он превращался в реактивный самолёт — Рафу приходилось держать его двумя руками. Но сейчас поводка не было, и пёс наслаждался свободой.

Они вышли к парку. Тому самому, где росли старые липы, такие толстые, что две пары рук не обхватывали. Листья уже начали опадать — не ливнем, а по одному, как будто дерево считало дни до зимы. Раф поднял один, покрутил в пальцах. Лист был жёлтым с зелёными прожилками, похожими на карту рек. Он сунул его в карман — к мятной конфете, к скомканному чеку из книжного, к пёрышку, которое найдёт только вечером.

В парке пахло прелью и свободой. Кто-то жарил на мангале сосиски — запах дыма смешивался с запахом мокрой коры. Молодая пара сидела на пледе, девушка кормила парня виноградом, и он смеялся, прикрывая рот рукой. Пожилой мужчина кормил голубей с ладони, и птицы сидели у него на плечах, на шляпе, на трости.

— Смотри, Вихрь, — сказал Раф. — Это счастье. Простое такое. Виноградное.

Пёс не понял, но замер на секунду, как будто прислушиваясь.

Они дошли до пруда. Вода была тёмной, почти чёрной, с жёлтыми листьями на поверхности, похожими на маленькие лодки. Утки — три штуки — плавали по кругу, периодически ныряя. Одна из них, самая наглая, вылезла на берег и пошла прямо на Рафа, явно рассчитывая на хлеб.

— Извини, подруга, — сказал Раф. — Я без запасов.

Утка обиделась — во всяком случае, ей так показалось — и ушла к своим.

Они просидели на берегу полчаса. Раф смотрел на воду и думал о странном: о том, что облака в отражении движутся быстрее, чем в небе; о том, что у каждой волны есть свой рисунок; о том, что его жизнь похожа на этот пруд — спокойная, тёмная, с листьями на поверхности, за которыми не видно глубины.

Иногда он задумывался о том, что внутри него спит зверь. Тот самый, который просыпается, когда щёлкает тумблер. Раф не знал, как это объяснить словами — словно в голове есть комната, где живёт кто-то другой, и у этого кого-то есть ключ. Когда эмоции зашкаливают — гнев, страх, отчаяние, — дверь открывается, и Раф перестаёт быть собой. Он становится тем, кто не знает жалости. Тем, кто не останавливается. Тем, кого он сам боялся.

Последний раз это случилось год назад. Он почти не помнил деталей — только хруст костяшек, чужую кровь на рубашке и взгляды прохожих. Потом была полиция, допрос, слова «превышение самообороны» и «условный срок». Рафу повезло. Но с тех пор он жил так, будто ходил по тонкому льду: никакой резкости, никаких споров, никаких сильных чувств. Только мягкость. Только покой. Только тишина.

— Я как аккумулятор, — прошептал он однажды психологу. — Если слишком сильно зарядить, я взорвусь.

Психолог сказал что-то про травму и про то, что «это не навсегда». Но Раф не верил. Как можно вытащить из себя то, что стало частью тебя?

Он вздохнул, потрепал Вихря за ухом и встал.

— Пойдём домой. Я хочу ещё поработать.

Они пошли другой дорогой — мимо старых гаражей, где мальчишки гоняли на великах, мимо стройки, замершей на годы, мимо палатки с мороженым, которая работала даже в октябре. Раф купил пломбир в вафле, откусил верхушку — сладкую, холодную, с запахом ванили. Вихрь выпросил кусочек и съел его, не прожевав.

Дома он снова сел за стол. Дорисовал девочке платье — синее, с белыми точками, как ночное небо. Потом добавил в город фонари, которых не было в наброске. Потом нарисовал в небе звезду, падающую вниз, и подписал снизу карандашом: «а вдруг?»

К вечеру он устал. Не физически — той особенной усталостью творца, когда голова пустая, а руки помнят движение. Он сварил макароны с сыром — самый простой ужин, который знал. Ел из миски, стоя у окна, и смотрел, как солнце садится. Оно было большим, оранжевым, расплюснутым о горизонт, как переспелый апельсин.

— Красиво, правда? — спросил он у Вихря. Пёс спал на диване и не ответил. — Жалко, что никто не видит.

Он надел поводок, взял телефон (на экране заставка: горы, которые он никогда не увидит) и вышел.

Было полседьмого. Небо — ни розовое, ни лиловое, а какое-то промежуточное, как акварель, которую не досушили. Фонари ещё не зажглись, и улица казалась длинным коридором, ведущим в никуда.

Раф не знал, что этот коридор приведёт его к смерти. Или к жизни. Или к девушке с косой, которая знает его имя.

Он просто шёл. Вихрь трусил рядом. Мысли текли медленно, как чай из заварника.

Хлеб. Купить хлеб. И молоко. И ещё ту книгу, про которую говорили в подкасте. А у девушки с третьего этажа сегодня красивая причёска — как она её заплетает? Надо бы сказать «здравствуйте». Хотя бы раз. Хотя бы просто так.

Он не слышал шагов.

Не почувствовал запаха.

Только в следующую секунду мир дёрнулся, как плёнка в проекторе, застыл на одном кадре — и рассыпался.

Часть вторая. Сумерки, которые пахнут железом

Тьма сгустилась внезапно. Раф знал, что осенью темнеет быстро, но сегодня вечер будто нажал на педаль ускорения: ещё минуту назад небо было розовым, как маршмеллоу, а теперь стало чернильным, с едва заметной багровой полоской у горизонта. Фонари всё ещё молчали — то ли сломались, то ли время их включения ещё не пришло.

Они шли по переулку между гаражными боксами. Здесь пахло железом, старой резиной и кошачьей мятой — Раф заметил, что из-под ворот одного из гаражей торчат пучки дикой мяты, пробившиеся сквозь асфальт. Вихрь насторожился, прижал уши и замедлил шаг. Его хвост, обычно радостно торчащий пистолетом, опустился и зажался между ног.

— Что с тобой, друг? — тихо спросил Раф, наклоняясь к псу. — Кого-то чуешь?

Вихрь не ответил. Он замер, глядя в темноту между гаражами, и издал низкий, горловой звук — не рык даже, а предупреждение. Такой звук издают собаки, когда чувствуют опасность, но ещё не поняли, откуда она идёт.

Раф поёжился. Кардиган, который днём казался уютным и тёплым, теперь пропускал вечернюю сырость, и холод пробежал по спине, заставляя волосы на руках встать дыбом. Он поднял воротник, сунул руки в карманы. В правом кармане лежало утреннее пёрышко — он нашупал его пальцами, провёл по гладкой поверхности, и это немного успокоило.

— Всё нормально, — сказал он собаке и себе. — Мы почти дома. Вон уже арка, за ней двор.

Он показал рукой вперёд, туда, где в двадцати метрах темнел проём арки. За ним горел фонарь во дворе, и его жёлтый свет казался Рафу сейчас самым желанным зрелищем на свете.

Они прошли ещё несколько шагов. Тишина стояла такая, что Раф слышал собственное дыхание и шорох Вихревых лап по асфальту. И вдруг — ничего. Ни звука шагов, ни треска ветки, ни шёпота. Просто пустота, которая длилась долю секунды, а потом взорвалась болью.

Раф не понял, что произошло. Мозг отказывался обрабатывать информацию, как старый компьютер, который завис на середине загрузки. Сначала было ощущение — не удар, а тяжёлое, горячее давление на шею с левой стороны. Потом — запах. Металлический, солоноватый, тошнотворно-сладкий. Запах крови. Его крови. Потом — звук. Вихрь залаял. Не так, как лает на почтальона или на кошку. Он завыл — низко, протяжно, страшно, как волк, почувывший беду.

Раф упал на колени. Асфальт ободрал ладони, и эта боль — мелкая, обидная — показалась ему самой несправедливой в мире. Он попытался закричать, но из горла вырвался только хрип — влажный, булькающий, как будто кто-то сжал его голосовые связки и не отпуская.

Чьи-то пальцы вцепились ему в шею. Нет, не пальцы — когти. Жёсткие, острые, они впились в кожу, разрывая её, добираясь до мышц. Раф почувствовал, как что-то тёплое и жидкое заливает ворот кардигана, стекает за шиворот, на грудь, на живот. Мамин кардиган. Тот самый, который пах домом. Теперь он пах смертью.

Он попытался повернуть голову, чтобы увидеть того, кто на него напал. Увидел только силуэт — высокий, спорбленный, с неестественно длинными руками. Мужчина? Женщина? Раф не мог разобрать. Только глаза — белые, без зрачков, горящие в темноте, как два уголька.

Маньяк.

Тот самый. Про которого говорили в утренних новостях.

Раф вспомнил лицо ведущей — спокойное, с идеальной помадой, с причёской, которая не шевелилась даже на ветру. Она говорила: «Нападает на одиноких прохожих в сумерках. Преимущественно молодых людей. Преступник не задержан. Будьте осторожны».

Раф думал тогда, что это где-то далеко. В другом районе. В другой жизни. Не с ним.

Но это было с ним. Здесь. Сейчас. В переулке между гаражами, где пахло кошачьей мятой и железом.

Силы уходили. Он чувствовал, как тает тепло в пальцах, как ноги становятся ватными, как мир съезжает влево, как будто кто-то наклонил пластинку проигрывателя. Вихрь лалял где-то рядом, но звук становился всё тише, словно собака отдалялась, хотя на самом деле она билась в истерике у его ног.

Странно, — подумал Раф. — Я даже не испугался. Я просто... устал.

Это была правда. Двадцать один год жизни — а он устал, как будто прожил сотню. От мягкости, которая была клеткой. От постоянного контроля, от тишины в голове, от того, что он никогда не позволял себе злиться, боясь разбудить зверя. Ирония в том, что зверь молчал. В самый нужный момент — молчал. Тумблер не щёлкал. Дверь в ту комнату оставалась закрытой.

Ты где? — мысленно позвал Раф. — Ты нужен мне. Проснись.

Ничего.

Когти сжались сильнее. Хруст — кажется, это хрустнул его позвонок. Или показалось. Тьма на краю зрения сгущалась, превращаясь в туннель. Розовый? Нет, показалось. Чёрный. Просто чёрный.

А потом —

Свет.

Не тот фальшивый свет, который показывают в фильмах про смерть. Настоящий. Живой. Розово-белый, как цвет яблоневого цвета в мае, как первый снег на закате, как сны, которые вспоминаешь утром и не можешь понять — было или нет.

Свет возник из ниоткуда. Или из-за гаража. Или из самой темноты. Он рос, пульсировал, становился ярче, и в этом свете Раф увидел Её.

Девушка бежала. Не шла — бежала, легко, как будто земля под ней была водой, а она скользила по поверхности. Её волосы — длинные, тёмные, с рыжими прядями, которые вспыхивали в свете фонарей — развевались за спиной, как знамя на ветру. На ней была простая одежда: чёрные джинсы, кроссовки, серая толстовка с капюшоном, который сбился на плечи. Ничего особенного. Обычная девушка. Таких сотни на улицах.

Но в её руке — нет, не в руке. Из руки. Из тонкого запястья, из самой кожи, из пор, из капилляров — рос свет. И в этом свете формировалось лезвие.

Коса.

Не та грубая, страшная коса, которой в фильмах рубят головы. Другая. Изящная, как музыкальный инструмент. Длинная рукоять — розово-белая, перламутровая, с узорами, похожими на иней на окне. Лезвие — тонкое, полупрозрачное, мерцающее, как крыло стрекозы на солнце.

Она даже не закричала.

Она бежала молча, и в её глазах — Раф успел их увидеть, когда она приблизилась — не было страха. Не было ярости. Не было ничего, кроме спокойной, холодной решимости. Как у хирурга перед операцией. Как у палача, который делает свою работу без ненависти.

Один взмах.

Плавный, почти ласковый. Коса описала дугу в воздухе, оставляя за собой светящийся след, похожий на росчерк пера по бумаге.

Раф почувствовал, как хватка на шее ослабла. Как что-то тяжёлое упало рядом с ним на асфальт — с глухим, влажным звуком, похожим на падение арбуза. Как тёплые капли — уже не его кровь, чужая — брызнули ему на щеку, на ресницы, на губы.

Маньяк больше не держал его. Маньяк лежал на земле — отдельно от своей головы, которая откатилась к стене гаража и замерла, глядя белыми глазами в никуда.

Вихрь замолчал. Он стоял в двух метрах, дрожа всем телом, но не убегал. Смотрел на девушку.

Девушка стояла над Рафом, держа косу у плеча. Свет в её руке начал меркнуть, лезвие истаяло, как утренний туман, оставив только лёгкое розовое свечение, которое пульсировало в такт её сердцебиению. Кожа на руке была целой — ни шрама, ни пореза, как будто коса была сном.

Она опустила на корточки, положила ладонь ему на грудь. Рука была тёплой. Живой.

— Ты как? — спросила она. Голос низкий, чуть хриплый, с нотками усталости. — Дыши, Раф. Я успела.

Он хотел спросить, откуда она знает его имя. Хотел спросить, кто она. Хотел спросить, как у неё из руки выросла коса, и почему она не пахнет кровью, а пахнет — он принялся, даже умирая — пахнет ромашкой и мятой, тем самым чаем, который он заваривал сегодня утром.

Но вместо этого он просто закрыл глаза.

Тумблер всё-таки щёлкнул.

Слишком поздно. Или слишком рано.

Где-то в глубине его сознания, в той самой комнате с закрытой дверью, кто-то проснулся, потянулся и улыбнулся.

— Ну наконец-то, — прошептал голос, которого Раф никогда не слышал. Или слышал, но забыл. — А то я уж заждался.

Девушка с косой посмотрела на закрытые глаза Рафа, на его бледное лицо, на кровь, заливающую кардиган. Потом перевела взгляд на обезглавленное тело за его спиной, на лужу, которая растекалась по асфальту, пахнущую железом и смертью.

— Прости, — тихо сказала она. — Я должна была раньше.

Она подняла голову к небу, где уже зажглись первые звёзды, и добавила, обращаясь к кому-то, кого Раф не мог видеть:

— Он жив. Но теперь он знает. И ты знаешь. Игра началась.

Она провела рукой над его шеей, и розовый свет снова вспыхнул — мягкий, целительный, закрывающий раны, склеивающий разорванную кожу, останавливающий кровь. Раф вздохнул глубже, и его пальцы, которые минуту назад были ледяными, начали теплеть.

Вихрь подошёл, лизнул его в щёку и сел рядом, глядя на девушку преданными глазами.

— Ты хороший пёс, — сказала она. — Береги его. Ему теперь понадобится друг.

Она встала, посмотрела на свои руки — чистые, без единой капли крови. Потом на косу, которая снова начала проявляться из её ладони, как будто ждала приказа.

— Не сейчас, — прошептала она оружию. — Сейчас мы ждём.

Коса исчезла.

Девушка села на корточки рядом с Рафом, взяла его за руку и стала ждать, когда он откроет глаза.

А в небе над городом, там, где облака днём были похожи на слона, на чайник и на чьё-то лицо, зажглась первая звезда. Одна. Потом вторая. Потом — целое море света, которое смотрело на переулок между гаражами, где на асфальте лежал парень в кардигане, пахнущем домом, и девушка с косой из розового света держала его за руку.

Капля 2

Чо за нах?

Он проснулся от того, что кто-то настойчиво тыкал мокрым носом ему в ладонь.

Это было так привычно, так обычно, так по-домашнему, что Раф улыбнулся, не открывая глаз. Вихрь. Конечно, Вихрь. Пёс всегда будил его именно так — сначала нос, потом тяжёлая лапа на грудь, потом вздох, похожий на человеческий, который означал: «Вставай, лежебока, мир без тебя не крутится».

Но что-то было не так.

Раф не мог понять, что именно. Запахи? Подушка пахла лавандой, как всегда. Простыня сбилась у ног, как всегда. Где-то за стеной сосед сверлил перфоратором — это была субботняя традиция, как восход солнца или утренний кофе. Всё было на своих местах.

Кроме одного.

Вчерашний вечер.

Раф открыл глаза и уставился в потолок. Потолок был белым, с трещиной в виде карты Африки и маленьким жёлтым пятном от протечки, которую он обещал починить ещё прошлой осенью. Он смотрел на это пятно и пытался собрать вчерашний день в голове, как рассыпавшуюся мозаику.

Прогулка. Сумерки. Переулок между гаражами.

А потом — боль. И свет. И девушка.

И коса.

— Это был сон, — прошептал Раф одними губами. — Просто сон. Переутомился. Много работал. Надо пить витамины.

Вихрь смотрел на него с недоумением. Пёс явно не разделял его теории о витаминах.

Раф сел на кровати, потянулся. Позвоночник хрустнул — раз, два, три. Всё как всегда. Он посмотрел на свои руки: длинные пальцы, бледная кожа, на левом мизинце — след от краски «ультрамарин». И ни одного шрама. Ни одной царапины. Ни следа от когтей, которые впивались ему в шею.

— Сон, — повторил он уже увереннее. — Точно сон.

Он встал, прошлёпал босыми ногами в ванную. Плитка была холодной, как всегда. Зеркало запотело от ночной влажности, как всегда. Раф провёл по нему пальцем, стирая капельки воды, и замер.

В зеркале была пустота.

Не то чтобы там ничего не было. Стена за его спиной отражалась — серая плитка, трещинка возле вешалки, крючок, на котором висело полотенце. Даже Вихрь, который зашёл следом и уселся на коврик, отражался — рыжий комок шерсти с ушами-лопухами.

Но Рафа в зеркале не было.

Вообще.

Никак.

Ни тени. Ни силуэта. Ни размытого пятна там, где должно было быть его лицо.

— Чо за нах? — выдохнул Раф.

Он протёр глаза кулаками — сначала правый, потом левый, потом оба сразу. Ничего не изменилось. Стена, полотенце, пёс. И пустота там, где он должен был стоять.

Он поднёс руку к зеркалу. Ладонь коснулась холодного стекла. В отражении ладони не было. Только его пальцы — живые, тёплые, настоящие — давили на зеркальную поверхность, а в ответ с той стороны не было ничего.

— Может, я всё ещё сплю? — спросил он у Вихря. Пёс чихнул. — Серьёзно, это единственное логичное объяснение.

Он ущипнул себя за внутреннюю сторону локтя — там, где кожа тонкая и чувствительная. Больно. Очень больно. На коже осталось красное пятно, которое начало медленно белеть, а потом и вовсе исчезло — слишком быстро для обычного человека. Но Раф не заметил этого. Он смотрел в зеркало, надеясь, что вот сейчас, прямо сейчас картинка моргнёт, и он увидит своё отражение — заспанное, с тёмными кругами под глазами, с торчащими в разные стороны волосами.

Ничего.

— Ладно, — сказал он, отступая на шаг. — Ладно. Я справлюсь. Я... я просто сделаю вид, что это нормально.

Он умылся. Вода текла из крана, смывая мыльную пену с его рук, но в зеркале вода падала в пустоту. Он почистил зубы — паста мятно шипела во рту. Он посмотрел на свою щётку, поднятую в воздух невидимой рукой, и почувствовал, как где-то глубоко внутри закипает паника.

Тумблер молчал.

Странно. В такой момент — когда мир сошёл с ума, когда законы физики перестали работать, когда его собственное отражение решило взять выходной — тумблер должен был щёлкнуть. Должен был прийти тот, другой, безбашенный, которому всё равно на зеркала и на странности.

Но дверь в ту комнату оставалась закрытой.

Раф вытер лицо полотенцем, повесил его на крючок и вышел из ванной. Вихрь трусил за ним, виляя хвостом, совершенно не обеспокоенный тем, что его хозяин больше не отражается в зеркалах.

— Может, это галлюцинация? — спросил Раф у самого себя, заваривая чай. — Отравление? Я вчера ел макароны с сыром. Сыр был нормальный. Срок годности не вышел.

Он насыпал ромашку, мяту, мелиссу в глиняный заварник с трещиной на носике. Залил кипятком. Ждал четыре минуты, глядя на секундную стрелку часов в форме кота. Кот удивлённо смотрел на него одним глазом — второй был выше.

Чай получился цвета старого золота. Раф сделал глоток. Тепло разлилось по горлу, но не согрело.

Он подошёл к окну. За стеклом — старом, с пузырьками внутри — просыпался город. Солнце только-только поднялось над крышами, и его лучи были розовыми, как мармелад. Облака — те самые, тяжёлые, с фиолетовыми животами — медленно плыли на запад. Дворник в оранжевом жилете уже закончил мести и теперь пил чай из термоса, сидя на скамейке. Голуби — четыре штуки — сидели на карнизе и грелись.

Раф посмотрел на стекло. В отражении окна должна была быть его фигура — силуэт парня в старой футболке, с тёмными вьющимися волосами, с родинкой над левой бровью.

Ничего.

Он провёл рукой перед собой. В стекле рука появилась — но только потому, что он видел её прямо, а не через отражение. Иллюзия была полной: если бы кто-то посмотрел на окно с улицы, он увидел бы пустую комнату. И парящую в воздухе кружку.

— Так, — сказал Раф, возвращаясь на кухню. — План. Первое: не паниковать. Второе: проверить, работает ли это с другими зеркалами. Третье: позавтракать. Потому что без завтрака даже апокалипсис не в радость.

Он достал из холодильника яйца — три штуки, коричневые, купленные вчера в магазине у дома. Разбил их в миску. Скорлупа хрустнула, желтки остались целыми — два оранжевых, один бледно-жёлтый. Он взбил их вилкой, добавил молока — чуть-чуть, на глаз — и щепотку соли. Сковорода шипела на плите — единственной работающей конфорке, которая грела неравномерно, так что омлет всегда получался то подгоревшим с одного края, то сырым с другого.

Раф жарил яйца и смотрел на свою тень. Тень была на месте. Она двигалась вместе с ним, повторяла каждое его движение — наклонялась, когда он наклонялся, тянулась за лопаткой, когда он тянулся. Тень была. Отражения не было.

— Это важно, — сказал он вслух. — Тень есть, отражения нет. Значит, проблема не в свете. Проблема в зеркалах.

Он съел омлет — он получился подгоревшим слева и жидковатым справа, как всегда. Вкус почти не чувствовался. Он налил себе второй чайник чая, выпил его стоя у окна, глядя на город, который жил своей жизнью, не подозревая, что где-то на пятом этаже парень без отражения пытается убедить себя, что это всё ерунда.

Потом он проверил другие зеркала.

В коридоре висело маленькое круглое зеркало в деревянной раме — подарок бабушки, которая говорила, что «круглая форма сохраняет энергию». Раф встал перед ним. Пустота.

В ванной было ещё одно зеркало — маленькое, на магните, которое крепилось к стене и поворачивалось под разными углами. Раф покрутил его. Пустота под любым углом.

Он достал телефон, включил фронтальную камеру. Чёрный экран. Нет, не чёрный — на экране был фон: его кухня, холодильник с магнитами, Вихрь, жующий свой корм. Но лица Рафа не было. Только пустота там, где должна быть его голова.

— Вот это уже интересно, — сказал он, чувствуя, как паника сменяется ледяным, почти профессиональным любопытством. — Камера работает по тому же принципу, что и зеркало. Значит, дело не в стекле. Дело в отражении как таковом.

Он попробовал сфотографировать себя — нажал на кнопку, телефон щёлкнул. На снимке была пустая кухня. Как будто Раф стоял за кадром. Хотя он стоял прямо перед объективом.

Он снял видео. Прошёлся по комнате, помахал рукой, позвал Вихря. Пересмотрел запись. На видео была комната, пёс, который вилял хвостом и смотрел в пустоту, и голос Рафа, который говорил: «Ну что, видишь меня? А меня нет. Прикольно, да?» Голос был. Картинки не было.

— Я призрак, — сказал Раф, сядя на диван. — Я умер вчера? Та девушка не спасла меня? Я умер, а теперь хожу и не знаю об этом?

Вихрь запрыгнул к нему на колени — огромный рыжий комок, который весил как мешок картошки, — и ткнулся носом в подбородок. Пёс был тёплым. Живым. Настоящим.

— Ты меня видишь? — спросил Раф. Вихрь лизнул его в щёку. — То есть видишь. Или чувствуешь. А камера — нет.

Он просидел так час, может, два. Гладил Вихря, смотрел в окно, пил остывший чай и думал. Думал о том, как живёшь себе спокойно, рисуешь облака, пьёшь ромашковый чай, боишься собственного гнева — а потом просыпаешься и понимаешь, что ты больше не отражаешься в зеркалах. И что вчера вечером какая-то девушка с косой из розового света отрубил голову маньяку у тебя на глазах.

Или не отрубил. Или это был сон. Или не сон.

— Ладно, — сказал он наконец, ставя пустую кружку на стол. — Я не решу это, сидя дома. Пойдём гулять, Вихрь.

Он оделся: старые джинсы с дыркой на колене, толстовка цвета мокрой глины, кеды. Кардиган — мамин, слишком мягкий, слишком большой — он надел поверх, хотя на улице было не холодно. Просто так было спокойнее.

Они вышли в три часа дня. Солнце стояло высоко, но уже не летнее — прищуренное, задумчивое. Двор был залит светом, который ложился на асфальт неровными пятнами сквозь листву. Дети играли в песочнице, их смех звенел, как колокольчики. Бабушка на лавочке читала детектив — ту самую книгу с яркой обложкой, которую Раф видел вчера. Мужчина в костюме быстро шёл к машине, говорил по телефону и размахивал руками.

Всё было как вчера. И ничего не было как вчера.

Раф шёл медленно, смотрел на прохожих. Они не обращали на него внимания. Совсем. Обычно девушки иногда оглядывались — он был не красавцем, но приятным, накаченным, с мягкими чертами лица и добрыми глазами. Сегодня никто не смотрел. Никто не оборачивался. Как будто его не существовало.

Он зашёл в магазин у дома — маленький, пахнущий хлебом и консервами. Продавщица, тётя Галя, которая всегда улыбалась ему и говорила: «Опять без хлеба, Рафаэль?», сегодня посмотрела сквозь него. Он положил на прилавок батон и пачку молока. Деньги — настоящие, бумажные — лежали на стекле. Тётя Галя взяла их, дала сдачу, убрала продукты в пакет. Но

ни разу не посмотрела ему в глаза. Ни разу не сказала «здравствуйте». Как будто перед ней стояла пустота.

— Спасибо, — сказал Раф. Она не ответила.

Он вышел из магазина, чувствуя, как холодок ползёт по спине. Вихрь терпеливо ждал у двери, виляя хвостом.

— Она меня не видит, — сказал Раф. — Или видит, но не замечает? Или я действительно невидимка?

Он провёл эксперимент: встал посреди тротуара, прямо на пути у девушки с коляской. Девушка объехала его, даже не замедлив шаг. Как будто он был столбом. Или воздухом.

Он подошёл к парню, который раздавал листовки. Парень сунул листовку ему в руку — и прошёл мимо, не взглянув. Листовка была о розыгрыше пиццы.

— Я существую, — сказал Раф вслух. — Я держу листовку. Я чувствую ветер. Я слышу собственный голос. Но меня никто не видит.

Кроме Вихря.

Они дошли до парка. Липы стояли золотые, сбросив половину листьев. Пруд был тёмным, с жёлтыми лодками-листьями на поверхности. Утки плавали по кругу, и одна из них — та самая, наглая — вылезла на берег и пошла на Рафа, явно ожидая хлеба.

— Ты меня видишь? — спросил он у утки. Утка крякнула и ткнулась клювом в его ботинок. — Видишь. Или просто чувствуешь, что здесь кто-то есть.

Он сел на скамейку, достал из кармана пёрышко — серое, с серебряным краем, найденное вчера. Оно было на месте. Тёплое. Настоящее.

— Хорошо, — сказал он, обращаясь к самому себе. — Допустим, я не умер. Допустим, это какая-то магия. Или проклятие. Или побочный эффект от того, что меня спасла девушка с косой. Тогда... что дальше?

Он не знал.

Они просидели в парке до вечера. Раф смотрел, как солнце садится за крыши, как небо становится лиловым, потом багровым, потом чернильным. Как зажигаются фонари — один за другим, будто кто-то щёлкает пальцами. Как мир живёт своей жизнью, не замечая, что один парень выпал из реальности.

В семь часов он встал, потрепал Вихря за ухом и сказал:

— Пойдём домой. Короткой дорогой.

Он сам не знал, зачем выбрал эту дорогу. Может, по привычке. Может, потому что подсознательно ждал встречи. Может, потому что хотел проверить — было ли то, что было, или не было.

Они пошли мимо гаражей. Здесь пахло железом, старой резиной и кошачьей мятой. Вихрь снова насторожился, прижал уши, но не зарычал. Просто шёл рядом, тесно прижимаясь к ноге Рафа.

Асфальт был чистым. Ни пятен крови, ни следов борьбы, ни намёка на то, что вчера здесь кто-то умер.

— Чисто, — сказал Раф. — Как будто ничего и не было.

Он уже почти дошёл до арки, когда увидел Её.

Она сидела на корточках у стены гаража, обхватив колени руками, и смотрела в одну точку. Девушка из вчерашнего сна. Наяву. Живая. Та самая — с длинными тёмными волосами и рыжими прядями, которые вспыхивали в свете фонаря. В серой толстовке с капюшоном, в чёрных джинсах, в кроссовках.

Она выглядела уставшей. Очень уставшей. И маленькой — хотя Раф знал, что это не так.

Он остановился в трёх метрах от неё. Вихрь замер, но не зарычал — просто смотрел, наклонив голову.

— Привет, — сказал Раф. Голос прозвучал хрипло — он не разговаривал с людьми весь день. — Я... я хотел сказать спасибо. За вчера. Ты спасла мне жизнь.

Она подняла голову.

Её глаза — карие, глубокие, с длинными ресницами — смотрели на него с такой тоской, что у Рафа заныло под ложечкой. Она была красивой. Не той яркой, кричащей красотой, которая бьёт в глаза, а той, тихой, которую замечаешь не сразу. В ней было что-то хрупкое и одновременно сильное, как у натянутой струны.

Она встала. Она была ниже его на голову — Раф был ровно сто восемьдесят, она — где-то сто шестьдесят пять, не больше. Блондинка. Он только сейчас заметил — вчера было темно, и он помнил только тёмные волосы с рыжими прядями, но сегодня, при свете фонаря, он увидел, что она светлая, почти пепельная, с тёплым отливом. Волосы были собраны в небрежный хвост, несколько прядей выбились и падали на лицо.

На ней была мотоциклетная куртка — чёрная, потёртая, с металлическими заклёпками на плечах. Такие носят байкеры или девушки, которые не боятся дождя и ветра.

Она открыла рот, чтобы что-то сказать, но вместо слов из её горла вырвался только хриплый, сдавленный звук. А потом Раф увидел слёзы. Они не катились по щекам — они просто стояли в глазах, большие, прозрачные, готовые упасть, но держащиеся из последних сил.

— Я думала, что смогла спасти тебя, — сказала она. Голос дрожал, ломался, как старая пластинка. — Прости.

Раф не понял. Открыл рот, чтобы спросить «за что?», но не успел.

Свет вспыхнул снова — розово-белый, нежный, обманчиво красивый. Он вырос из её руки, из тонкого запястья, из пор, из капилляров. И в этом свете сформировалась коса. Та самая. Изящная, как музыкальный инструмент. С перламутровой рукоятью и лезвием, похожим на крыло стрекозы.

Она даже не моргнула.

Один взмах. Плавный, почти ласковый. Как вчера. Но сегодня — не в маньяка.

Коса описала дугу в воздухе, оставляя за собой светящийся след, и вошла в шею Рафа. Там, где вчера были когти. Он даже не почувствовал боли сразу — только холод. Странный, пронизывающий холод, который разлился от шеи по всему телу, как жидкий азот.

А потом его голова полетела.

Он успел увидеть свой собственный падающий силуэт — обезглавленное тело, которое ещё стояло секунду, а потом рухнуло на колени, как тряпичная кукла. Успел увидеть Вихря, который не залаял, не завыл, а просто сел и закрыл глаза, как будто знал, что так будет. Успел увидеть звёзды — первые, робкие, которые только-только зажглись над городом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.